

АКТУАЛЬНЫЕ ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Книга I

ФОНД «РАЗВИТИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»
МОСКВА 2014

УДК 39
ББК 63.5
А 43

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»*

Ответственный редактор
д. филол. н. *Г. П. Нешименко*

Редколлегия:

*Г. П. Нешименко, Св. Чмейкова, А. Ф. Журавлев,
М. Н. Кузьмин, Г. П. Пилипенко, Е. Ф. Тарасов, В. А. Дыбо,
М. М. Алексеева, Д. Ю. Анисимова*

А 43 Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. Книга I. М.: Фонд «Развития фундаментальных лингвистических исследований», 2014. — 400 с. — (Studia philologica).
ISBN 978-5-9551-0698-4

Книга продолжает серию междисциплинарных комплексных исследований, осуществляемых международным авторским коллективом. Ее выходу предшествовали публикации: Язык – Культура – Этнос; Язык как средство трансляции культуры; Встречи этнических культур в зеркале языка; Глобализация – этнизация. Этнокультурные и этноязыковые процессы. В монографии рассматривается проблематика этноязыковой и этнокультурной ситуации, языковой политики и конфликтологии, межъязыковой и межкультурной интерференции и билингвизма, этнической самоидентификации. Предлагается новая трактовка фундаментальных теоретико-методологических вопросов.
Для филологов, культурологов, историков, этнологов.

ISBN 978-5-9551-0698-4

ББК 63.5

© Авторы, 2014

© Фонд «Развития фундаментальных
лингвистических исследований», 2014

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	5
----------------------	---

I. Теоретико-методологические проблемы изучения этноязыковой и этнокультурной ситуации

Вендина Т. И.

Славянские диалекты и проблема сохранения этноязыкового фонда славян	13
---	----

Ермакова М. И.

Серболужицкая идентичность: основные этапы развития и современное состояние	45
--	----

Чмейркова С.

Речь и конструирование идентичности носителей языка	82
--	----

Ондрейович С., Крупа В.

К проблеме взаимосвязи языка и идентичности (с учетом данных словацкого языка)	99
---	----

Кузнецова А. И.

Изменение границ этноязыковых процессов в России за последние полтора десятилетия (от Лапландии до Енисея в Западной Сибири)	134
--	-----

Корженский Я.

Возможности языкового права в отношении многоязычия (в контексте формирующейся языковой ситуации в Евросоюзе)	147
---	-----

Липатов А. В.

Славянство как составная часть европейской цивилизации (к давней идее славянского единения и вечнозеленой проблеме славянского разъединения)	153
--	-----

Нистратов А. А., Тарасов Е. Ф.

Аксиологические аспекты языкового сознания в эпоху глобализации	164
--	-----

Дуличенко А. Д.

Славянские литературные микроязыки в лингвокультурном пространстве Европы	180
--	-----

Штайнке К.

Конфликт языка и идентичности (на примере славянских меньшинств в Албании, Болгарии, Греции, Польше и Румынии)	219
--	-----

II. Культурно-языковая политика и конфликтология

Вингендер М.

Противоборство языковой политики и языковой действительности в странах СНГ (сравнение русско-тюркских языковых сообществ Татарстана и Казахстана)	237
--	-----

Нещименко Г. П.

Языковая политика и некоторые аспекты ее интерпретации	258
---	-----

Погорелая Е. А.

Языковая политика и этнокультурное пространство русского мира стран ближнего зарубежья	285
--	-----

Бразельманн П., Онхайзер И.

Языковая политика в романских и славянских странах: опыт сравнительного исследования	302
--	-----

Бестерс-Дилгер Ю.

Русский и украинский языки в украинских средствах массовой информации (2005–2009)	319
--	-----

Кузьмин М. Н.

Всеобщее образование и всеобщая грамотность как условия становления гражданского общества (некоторые культурные аспекты российской модернизации)	326
---	-----

Неверкла С. М.

Использование языков в системе образования XIX века в Богемии. Либеральная языковая политика Габсбургов и ее последствия в городе Пльзень	337
--	-----

Сорокин Ю. А.

Лингвокультуральные конфликты: ретроспективный анализ	364
--	-----

Чорич Б.

Идиосинкразия как принцип языковой политики	383
---	-----

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Коллективная монография «Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности» продолжает серию комплексных, междисциплинарных исследований, выполняемых в рамках долгосрочной международной целевой программы. В ее задачи входит систематическое, комплексное, многоаспектное, междисциплинарное изучение приоритетных вопросов большого теоретического и практического значения, выработка на этой основе рекомендаций по предупреждению реальных и потенциальных конфликтов в области межэтнических, межкультурных и межкузыковых отношений, в сфере проводимой на том или ином этапе жизни социума этнокультурной и этноязыковой политики.

Планомерная реализация данной программы ведется с начала 90-х гг. на основе Договора о научном сотрудничестве между Институтом славяноведения Российской АН и Институтом чешского языка Чешской АН (в 2009 г. Договор о сотрудничестве был заключен также с Институтом языкознания им. Л. Штура Словацкой АН). Активную роль в работе над программой играет Институт языкознания РАН. Участие в проводимых исследованиях осуществляется без каких-либо ведомственных ограничений (назовем в этой связи Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Московский и Санкт-Петербургский университеты и т. д.). Головной организацией в осуществлении программы является Институт славяноведения РАН, имеющий богатый опыт проведения сопоставительных комплексных междисциплинарных исследований.

Работа над программой осуществляется международным авторским коллективом, имеющим широкую и разностороннюю профессиональную специализацию. Все это позволяет повысить доказательную силу и аргументированность получаемых результатов, выстроить приоритеты в культурно-языковой политике, использовать новую междисциплинарную методiku, опираясь на теоретические достижения различных научных школ. В число авторов проектов программы входили и ученые с мировой известностью. Назовем всего лишь несколько имен: Л. Б. Никольский, Фр. Данеш, В. Г. Гак, А. И. Домашнев и др. Данная исследовательская программа является важным звеном в координировании совместных научных усилий, а также укреплении партнерских отношений между учеными, посвя-

тившими себя развитию этой новой, весьма перспективной и важной области знания.

За годы работы над программой были опубликованы четыре коллективных труда, получивших известность как в России, так и за рубежом. К ним относятся: «Язык – Культура – Этнос» (М.: Наука, 1994. – 234 стр.), «Язык как средство трансляции культуры» (М.: Наука, 2000. – 310 стр.), «Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте)» (М.: Наука, 2002. – 478 стр.), «Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы» (М.: Наука, 2006. – 947 стр., двухтомный труд). Предлагаемый вниманию читателя пятый коллективный труд – «Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности» – также входит в состав этой исследовательской серии. В настоящее время ведется подготовительная работа над шестым проектом, который, по просьбе чешских коллег, будет называться «Языковая ситуация–языковой менеджмент–языковая политика».

Все выполненные проекты органично дополняют друг друга по характеру проблематики, используемой методике, видению сущности исследуемых явлений. Как нам представляется, по масштабности проводимых исследований, а также используемой в них методике данная целевая программа не имеет аналога ни в отечественной, ни в зарубежной науке. Не случайно интерес специалистов к выходящим публикациям, а также к участию в работе над данной программой год от года неуклонно возрастает. Это отмечается как в России, так и за рубежом. Достаточно сказать, что в создании первого труда участвовали 3 страны (в целом 25 авторов): Россия (17); Чехия (5); Словакия (3); второго – 2 страны (22 автора): Россия (12); Чехия (10); третьего – 4 страны (29 авторов): Россия (20); Чехия (4); Словакия (4); Белоруссия (1); четвертого – 8 стран (48 авторов): Россия (28); Чехия (12); Словакия (2); Украина (2); Приднестровье (1); Словения (1); Германия (1); Эстония (1); пятого – 10 стран (43 автора): Россия (21); Чехия (6); Германия (4); Словакия (3); Австрия (3); Польша (2); Приднестровье (1); Сербия (1); Украина (1); Эстония (1). К сожалению, сложившиеся обстоятельства помешали более широкому участию в проекте ученых из стран Балканского региона.

Все вышедшие труды вызывают интерес читательской аудитории, что подтверждается рецензиями и ссылками в научных изданиях, в дискуссиях в Интернете. Монография «Глобализация – этнизация...» в 2012 г. демонстрировалась на выставке в Публичной библиотеке России. С успехом прошла и ее презентация в Институте славяно-

ведения РАН, на которой присутствовали как коллеги по институту, так и сербские и хорватские ученые. Все вышедшие книги пользуются большим спросом, в кратчайшие сроки становясь библиографической редкостью. Мы глубоко признательны коллегам, откликнувшимся рецензиями на выход наших трудов.

Стремление к авторскому участию в реализации данной приоритетной исследовательской программы настолько велико, что редколлегии пришлось разделить два последних труда на два тома. Нельзя не отметить, что написание всех перечисленных коллективных монографий основывается на специально подготовленном проспекте, обсуждаемом на «Круглых столах», являющихся, по сути, дискуссионными клубами. Написанию пятой монографии «Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности» предшествовали три «Круглых стола», причем последний из них получил широкую публичность, так как был включен в программу Международного симпозиума «Славянские языки и культуры в современном мире», состоявшегося в 2009 г., на филологическом факультете МГУ.

Исследовательская работа над программой осуществлялась при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (исследовательские гранты № 96-04-06015; № 99-04-00093а; № 02-04-00274а; № 08-04-00050а). С сожалением приходится констатировать, что международный авторский коллектив ни разу не получил издательского гранта. Публикация четырех предыдущих монографий стала возможной благодаря поддержке Научного совета при Президиуме РАН «История мировой культуры» (в его состав входит Комиссия «Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности»), а также Издательского дома РАН «Наука».

Публикация пятой монографии была сопряжена с особенно большими трудностями: подготовленная к печати рукопись хотя и была представлена в РГНФ в сентябре 2010 г. в строгом соответствии с установленными сроками, тем не менее в предоставлении издательского гранта было, как всегда, отказано. Хочется надеяться, что издание труда Издательским домом «Языки славянских культур» все же состоится. Так или иначе, вряд ли нужно специально доказывать, что практически четырехлетняя задержка с публикацией труда, выполняемого в рамках международного сотрудничества и вдобавок посвященного остроактуальной проблематике, является совершенно недопустимой. Редколлегия труда приносит свои извинения международному авторскому коллективу, самоотверженно работавшему

над осуществлением этого проекта, имеющего большое научное и общественное значение.

В предлагаемой вниманию читателя коллективной монографии «Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности» введен целый блок ранее не рассматривавшихся проблем, обусловленных активизацией и качественным изменением сущности интеграционных процессов в мире и конкретно в Европе. Особое внимание уделяется межъязыковой и межкультурной интерференции, конфликтологии, языковой политике. В труде впервые публикуются результаты изучения феномена билингвизма, базирующиеся на полевом обследовании двуязычных регионов Сербии, Словении, а также отчасти Венгрии. Не осталась в стороне и проблематика моноэтнической и полиэтнической культурно-языковой ситуации, сохранности диалектного фундамента этнического языка и т. д. В преемственности с предыдущими публикациями программы исследуется и значимость новых информационных технологий во внутриэтнической и межатнической коммуникации. Ряд статей посвящен роли языка как средства этнической самоидентификации. В число проблем первоочередного значения входят и вопросы взаимодействия языков и культур, различные аспекты диалога культур, межатнических культурно-языковых контактов, взаимодействия типов культур и форм существования языка внутри этноса. Впервые вводится в исследовательское поле анализ опыта создания общеславянского литературного (культурного) языка, а также региональных культурных языков межатнического общения.

Следует подчеркнуть, что международная редколлегия всех проектов программы не стремится добиться любой ценой авторского «единомыслия». Одним из основополагающих принципов нашей работы является разнообразие научного подхода, развертывание полемики по всему спектру исследуемых проблем, стремление выявить многообразие аспектов освещения чрезвычайно сложных, во многом дискуссионных вопросов, рассмотреть их в разных ракурсах.

Не ставя под сомнение значимости трансформации современных интеграционных процессов, их перехода в новую, глобализационную, фазу, нельзя, тем не менее, игнорировать, что тенденциям глобализации противостоят тенденции этнизации, усиления роли этноидентификации. Именно в противодействии этих антиподов рождаются мощные импульсы дальнейшего развития общества. Противоборство тенденций интеграции и дифференциации является универсальной антиномией, движущим фактором эволюции. Именно на стыке ин-

теграционных и дезинтеграционных процессов в самом ближайшем будущем можно ожидать возникновения острейших этноязыковых и этнокультурных конфликтов.

Авторы данного труда вполне отдают себе отчет в сложности и дискуссионности рассматриваемой проблематики, в отсутствии готовых, стереотипных решений при ее интерпретации. Именно поэтому нас особенно интересовали динамичные, зачастую противоречивые, тенденции и явления.

Проведенное исследование, как нам представляется, не только полностью подтвердило актуальность выбранной тематики. Оно наметило целый блок новых проблем, разработка и решение которых имеет большое значение для языкового и культурного развития славянских этносов, эволюцию их этнической самоидентификации, взаимоотношения с другими этносами, населяющими европейский континент. Важным представляется рассмотрение судьбы этнических языков, находящихся в специфических условиях, т. е. в условиях повышенной конкуренции, а также в «экстремальной» ситуации.

Очевидно и то, что миссией ученых является предупреждение крайне опасных политических манипуляций с языком. В этой связи не может не вызывать тревоги то, что в определенных кругах научной интеллигенции, в том числе и среди славистов, иногда приходится слышать мнение о том, что патриотизм в настоящее время уже утратил свою актуальность, что целесообразно пойти на сознательное ограничение коммуникативного спектра целого ряда языков. Отсутствует необходимая ясность в том, как практически будет осуществляться декларируемое равноправие «малых» языков, «культурно-языковая полифония» и какими жертвами может обернуться форсированная экономическая и финансово-политическая интеграция для этнических традиций, этнического самосознания и достоинства интегрируемых народов. Большого внимания заслуживает и изучение противонаправленных сепаратистских тенденций, чрезмерного дробления языкового пространства, автономизации микроязыков. В поле зрения исследователей будут находиться и проблемы этноязыковых и этнокультурных меньшинств и т. п.

* * *

Работая над данным трудом, мы испытали всю горечь невосполнимых утрат. Ушли из жизни наши дорогие товарищи и коллеги, вместе с которыми мы шли по тернистому пути творческого поиска: Момчило Богданович Ешич, принимавший деятельное участие в ра-

боте Научного совета «История мировой культуры» на посту председателя Комиссии этнокультурных и этноязыковых проблем; Майя Ивановна Ермакова, мужественно завершившая свою последнюю в жизни статью; Юрий Александрович Сорокин. Большим ударом для нас стала кончина национального координатора программы от Чехии Светлы Чмейрковой.

Мы постараемся продолжить их дело!

Светлая им память!

**I. ТЕОРЕТИКО-
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
ЭТНОЯЗЫКОВОЙ
И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ
СИТУАЦИИ**

Вендина Т. И.
(Россия, Москва)

СЛАВЯНСКИЕ ДИАЛЕКТЫ И ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ЭТНОЯЗЫКОВОГО ФОНДА СЛАВЯН

В современной литературе по диалектологии уже традиционной стала констатация факта, что «диалекты находятся на пороге исчезновения».

Причины этого процесса видят, с одной стороны, в экстралингвистических факторах (в разрушении социальной инфраструктуры общества, в его социально-демографических изменениях, в урбанизации сельского населения, что нередко приводит к исчезновению населенных пунктов, в языковой политике государства и т. д.), а с другой – собственно в лингвистических, в частности в размывании языковой системы диалектов волнами литературного языка.

В отечественном языкознании постулат о быстром отмирании диалектов при социализме получил особенно широкое развитие в связи с тем, что в стране долгое время господствовала социальная теория развития этнического языка, в соответствии с которой диалекты должны будут исчезнуть в условиях бесклассового общества. В основе этой теории лежал тезис об отмирании элементов «старого качества» (носителем которых было «отсталое крестьянство», которое в силу своей «мелкобуржуазной сущности» тормозило движение общества вперед) и развитии элементов «нового качества». Позднее этот тезис получил теоретическое обоснование в известной сталинской статье «Марксизм и вопросы языкознания», где заявлялось, что диалекты, представляющие собой ответвления от общенародного национального языка, «лишенные какой-либо языковой самостоятельности, обречены на прозябание». Эпоха «строительства социализма» породила своеобразный социальный заказ, связанный с дискредитацией старых народных традиций, народной культуры и, соответственно, диалектов¹. Поэтому интерес к изучению народного языка расценивался как

¹ Ср., например, следующий пассаж из «Очерков по языку» А. М. Иванова и Л. П. Якубинского: «Заинтересован ли пролетариат в сохранении крестьянского разноязычия? – спрашивали авторы “Очерков” и отвечали: – Нет. Он заинтересован в его ликвидации. То обстоятельство, что русский национальный язык до сих пор не стал еще достоянием всего крестьянства, является одним из препятствий на пути социалистического строительства» [Иванов, Якубинский 1932: 142].

реакционный, «тянувший язык к отсталым формам быта, к отсталой идеологии эксплуатируемых и невежественных масс» [Предисловие к Толковому словарю Даля. М., 1935. Т. I. С. 14]. Согласно официальной точке зрения, «язык колхозника очищается от накипи веков, тормозящей его дальнейшее развитие и приобщение к пролетарской культуре. Исчезает специфически “крестьянское”, “мужицкий дух”, который так приятно щекотал обоняние различного рода пейзаристами... И на этом участке отходит в прошлое “идиотизм деревенской жизни”... Как территориальные, так и социальные диалекты в нашей великой социалистической стране за последние годы находятся в стадии ясно выраженного отмирания» [Филин 1936: 179, 185, 205]². Естественно поэтому, что основные стратегические направления этих исследований сводились к доказательству «исчезновения резких особенностей территориальных диалектов и быстрого приближения крестьянских говоров к современному литературному языку» [Каринский 1936: 95–96]. Эта официально санкционированная точка зрения на положение русских диалектов отрицательно сказалась на их изучении³, поскольку на первый план выдвигалась задача исследования речи «передового» слоя крестьянства, что, естественно, искажало картину соотношения литературного языка и диалектов. «Ассоциирование диалектов с сельским населением, не имеющим политической перспективы, официально санкционировало ожидание скорого и полного вытеснения русских диалектов литературным языком. Этот тезис включался в вузовскую подготовку педагогических и научных кадров, отражен он и в “Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка”» [Калнынь 1997: 116]. Такой вульгарный социологизм способствовал тому, что «создавалось впечатление, что исчезновение диалектов – уже совершившийся факт» [История русской диалектологии 1961: 81].

Думается, что немаловажную роль в утверждении этого лингвистического прогноза сыграла и широко распространенная теория образования литературного языка, сама логика стратификационного

² Подробнее об этом см. [Касаткин 1993: 82–90].

³ Приведу в связи с этим мнение известного диалектного лексикографа Ф.П. Сороколетова, который в статье «Из истории диалектной и исторической лексикологии русского языка» пишет о том, что «диалектная лексикология вплоть до 30-х годов XX в. развивалась довольно слабо, была по существу в зачаточном состоянии» [Сороколетов 1978: 4]. И даже позднее, в 60-е гг., «вопрос о монографическом изучении диалектной лексики все еще нельзя считать достаточно разработанным» [Орлова 1962: 176].

построения которой предполагает оценочное отношение к диалектам как к низшим формам этнического языка. «В соответствии с этой концепцией литературному языку а priori приписывается максимально высокий социолингвистический статус в модели этнического языка, что сопровождается завышенной оценкой литературного языка как универсального идиома, способного обслуживать весь спектр этнической коммуникации. На деле это зачастую приводит к занижению роли “нелитературных идиомов”» [Нещименко 2003: 12]⁴. Отсюда идея социальной неприемлемости диалекта, компрометация его в условиях городского общежития.

При этом подчеркивалось, что активному разрушению подвергается прежде всего лексическая система диалектов, тогда как их фонетический и грамматический строй отличается большей стабильностью, ср. в связи с этим мнение Л. Э. Калнынь: «Устойчивость современных русских диалектов в их фонетике и морфологии предстает как бесспорный факт при изучении речевого поведения населения сел, сохранивших нормальную генерационную структуру. Лексика в диалектах более динамична» [Калнынь 1997: 121; Калнынь 2007: 287].

Однако для того, чтобы понять механизм этого процесса, необходимо выяснить условия его протекания, но, как справедливо пишет сама Л. Э. Калнынь, тезис об отмирании диалектов принимается а priori, а как действительно происходит процесс воздействия литературного языка на диалекты – не известно, ср. в связи с этим следующий пассаж: «Процесс влияния литературного языка и его эффективность не были предметом специального изучения в русской диалектологии, что находится в известном противоречии с канонизированным представлением об отмирании/нивелировании диалектов». Именно на фактическую неизученность этой проблемы еще в 40-е гг было обращено внимание Н. П. Гринковой [Гринкова 1947: 177], которая отмечала, что указание на воздействие литературного языка на

⁴ Это отсутствие социальной престижности языка диалектов существовало и в прошлом. Достаточно вспомнить языковую ситуацию XIX в., свидетельствующую о социально обусловленном распределении двух языков – французского в среде аристократов и русского, который воспринимался как «язык простолюдинов», т. е. имел более низкий статус. Не случайно В. И. Даль писал в «Напутном слове» к своему словарю: «Пришла пора подорожить народным языком и выработать из него язык образованный. Народный язык был доселе в небрежении; только в последнее время стали на него оглядываться, и то как будто из одной снисходительной любознательности» [Даль 1978: XIII].

диалекты «в большинстве исследований выглядит скорее как отписка по поводу материала, не подлежащего изучению, а процесс воздействия литературного языка не изучается и как он происходит – не известно» [Калнынь 2007: 284], о трудностях изучения этого процесса см. [Журавлев 2007: 245].

Вместе с тем, как показала история, эти лингвистические прогнозы вступают в противоречие с процессами, реально протекающими в славянских диалектах, а потому они нуждаются в серьезной корректировке.

Об этом красноречиво свидетельствуют материалы Общеславянского лингвистического атласа, которые позволяет по-новому взглянуть на современное состояние и развитие этой языковой ситуации.

На картах Атласа устойчиво повторяется один и тот же ареальный сценарий распределения диалектной и литературной лексики, а именно:

1) **лексическая дробность диалектного ландшафта** всех славянских языков, свидетельствующая о высокой степени лексической вариативности единиц, находящихся в отношениях дополнительного распределения, ср., например, ситуацию⁵:

в словенских диалектах: на к. 20 *dem* ‘ножик’, где зафиксированы следующие лексемы: *pož-ьk-ъ* (*'nu:žək*), *pož-ič-ьk-ъ* (*no 'zi:čək*), *pož-ij-ъ* (*nužə:č*), *pož-ij-ij-ъ* (*'nu:šič*), *pož-ij-ьс-ъ* (*no 'žjēc*), *pož-ьс-ъ* (*možac*), *pož-ьč-ьk-ъ* (*'nu:ščək*), *pož-ej-ъ* (*nə:žej*), *pož-ik-ъ* (*'nožik*), *pož-ę* (*nə:že*), *brit-ьv-ic-a* (*b 'ritvəca*);

в хорватских диалектах: на к. 58 ‘завтрак, утренняя еда’ лексемы: *//utr-in-a* (*'jutrina*), *za-//utr-ьk-ъ* (*'zajtrək*), *rqč-ьk-ъ* (*'ru:čək*),

⁵ В качестве иллюстрации приводятся материалы шестого тома Общеславянского лингвистического атласа «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», представляющего лексику, относящуюся к наиболее древнему пласту, связанному с крестьянским бытом и ведением домашнего хозяйства. Обращение именно к этому тому продиктовано тем, что пока это единственный выпуск лексико-словообразовательной серии, в котором представлен материал **всех** славянских диалектов, включая болгарские, которые долгое время по экстралингвистическим причинам отсутствовали в Атласе. Примеры приводятся в морфонологической транскрипции, принятой в ОЛА. Морфонологическая транскрипция позволяет обобщить фонетические записи, сделанные в полевых условиях в том или ином диалекте, с целью их прямого сопоставления с другими славянскими диалектами. Словоформа, зафиксированная в диалекте, приводится в скобках в фонетической транскрипции ОЛА.

rǫč-en-ъj-e (*ruč'ě:ne*), do-rǫč-ъk-ъ (*dóručak*), marend-a (*ma're:nda*), fruštik-ъ (*f'roštik*), fruštikel-ъ (*f'ruštikel*), kolacjon-ъ (*kɔlacijǫ:n*);

в сербских диалектах: на к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлышком' лексемы: lěv-ъ (*lijev*), lěv-ъk-a (*lè:vka*), lěv-ъk-ъ (*è:vak*), točir-ъ (*to'čir*), traxter-ъ (*trátu:r*), (xun)-ij-a (*vu'nija*), (xin)-ъk-a (*i:nka*), (pir)-ij-a (*pi:rija*);

в македонских диалектах: на к. 30 'пережаренные кусочки сала' лексемы: č//var-ъk-y (*č'varki*), čvǫč-ъk-y (*čvǫčki*), pǫž-ъk-y (*pǫžki*), žym-ig-ъk-y (*ž'mirkī*), žym-eg-ъk-y (*že'merk*), džiber-in-y (*zebe'rine*), džiber-in-ъk-y (*žibe'rinki*), cigarid-y (*ciga'ridi*), gor-en-ъk-y (*gurenki*);

в болгарских диалектах: на к. 26 'содержащий много жира' (о мясе) лексемы: tǫlst-ъ (*g'lastu*), mast-ъn-ъ (*'maznu*), loj-ъn-ъ (*'lojeno*), loj-av-ъ (*'lojevo*), deb-el-ъ (*de'belo*), boļž-ъn-ъ (*b'lažnu*), za-běl-ъn-ъ (*zə,belemu*);

в чешских диалектах: на к. 6 'стакан' лексемы: stýkl-ěp-ъk-a (*skleŋka*), stýkl-ěp-ic-a (*skleňice*), stýkl-ěp-ič-ъk-a (*skleňička*), stýkl-ěp-ъč-ъk-a (*sklinečka*), pol-ъk-a (*pulka*), pohar-ъ (*poha:r*), pohar-ъk-ъ (*poha:rek*), šampri-a (*šampřdla*);

в словацких диалектах: на к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' лексемы: kraj-ъ (*kraj*), kraj-ъs-ъ (*krajec*), ob-kraj-ъs-ъ (*'okrajec*), kraj-ъč-ik-ъ (*krajčok*), kraj-ič-ъk-ъ (*krajī:ček*), kraj-ik-ъ (*krajī:k*), sъ-kraiv-ъk-ъ (*skravek*), sъ-kroj-ъk-ъ (*skroječ*), krom-ъk-a (*kromka*), vǫx-ъn-ъ (*vǫxēn*), vǫx-ъn-ak-ъ (*vǫxna:k*), jaп-ъk-o (*jaпko*);

в польских диалектах: на к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' лексемы: lup-a (*lupa*), lup-in-a (*lup'ina*), lusk-i (*lusk'i*), ob-ber-ъk-i (*ob'erki*), ob-ber-in-y (*ob'ežyny*), skrob-in-y (*skrob'iny*), ob-skrob-in-y (*uoskrob'iny*), struž-in-y (*stružyny*), ob-struž-in-y (*ostružiny*), skor-j-a (*skury*), skor-ъk-y (*skurki*);

в белорусских диалектах: на к. 41 'скорлупа' (яйца) лексемы: l/lup-in-a (*lu'p'ina*), lup-in-ъk-a (*lu'p'inka*), lup-aj-ъk-a (*lu'pajka*), še//lup-a (*šyłu'pa*), še-lup-ъk-a (*ša'lupka*), še-lup-in-a (*šalu'p'ina*), še-lup-aj-ъk-a (*šalu'pajka*), še-lup-ax-a (*šəlu'paxa*), lusp-in-a (*luš'p'ina*), lusp-aj-a (*luš'paja*), lus//p-aj-ъk-a (*luš'pajka*), l/usk-a (*lus'ka*), lušč-in-a (*luš'čyna*), kor-a (*kə,ra*), skor-up-a (*ška'rupa*), skor-o₂-lup-a (*skorlu'pa*), sk{or}-o₂-lup-ъk-a (*škor'lupka*), skor-o-lup-in-a (*škara'lup'ina*), skor-o-l/ušč-in-a (*skoro'l'uščyna*), sko{r-ol}//ušč-ъj-e (*kara'l'ušča*), še//lux-a (*šulu'xa*), še//luš-ъk-a (*šar'luška*);

в украинских диалектах: на к. 31 'пенка' (на молоке) лексемы: pěn-a (*p'ina*), pěn-ъk-a (*p'in'ka*), skor-ъk-a (*š'kurka*), kor-ъk-a (*'kurka*),

kož-ъk-a ('kuška), kož-uš-ъk-ъ (ku 'žušuk), plēn-ъk-a (p 'l'inka), plēv-ъk-a (p 'l'ivka), star-ъk-a (s 'tarka), šum-ъ (šum), bab-ъk-a ('bapka);

в русских диалектах: на к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' лексемы: съ-met-an-a (sm 'i'tana), съ-met-an-ъk-a (s 'm'e'tanka), vьгх-ъ (v'e-r'x), vьгш-ъk-ъ (v'ar'šok), vьгш-ъk-ъ (v'ar'šač'ak), съ-liv-ъk-ъ (s 'l'ivək), съ-liv-ъk-y (s 'l'ij-k'i), u-stoj-ъ (us 'toj), u-stoj-ъk-ъ (us 'tojok), pri-stoj-ъk-ъ (pr 'i'stojik), съп-ъм-ъk-ъ (s 'n'imək), съп-ъм-ъk-y (s 'n'imk'i);

2) литературная лексема часто имеет либо а) невыразительный ареал; б) либо она вообще отсутствует на карте, ср.:

ситуация а)

в словенских диалектах: на к. 60 'обед, еда в дневное время': литературная лексема kqs-i-dl-o (kosilo) зафиксирована лишь в приморских диалектах (пп. 2, 3, 4, 5, 16), тогда как в остальных словенских диалектах распространены лексемы //už-in-a (južna), ob-ēd-ъ ('obet);

в хорватских диалектах: на к. 30 'пережаренные кусочки сала' литературная лексема čvar-ъs-i (čvarci) отмечена лишь в отдельных пунктах штокавских (п. 33) и чакавских (п. 37, 42) диалектов, тогда как на остальной территории зафиксированы лексемы škvar-ъs-i (škva:rci), škvar-ъk-y (skvǎ:rki), č/var-ъk-y (čvā:rki), ob-čvar-ъk-y ('o:cvariki), cvir-ъk-y (c'vi:rki), ob-cvir-ъk-y (oc'vi:rki), žym-ir-e (žmīre);

в сербских диалектах: на к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво': литературная лексема gruš-av-in-a (grušavina) зафиксирована лишь в отдельных штокавских говорах (пп. 78, 79, 152), тогда как в остальных сербских диалектах представлены лексемы sēr-a ('šera), sēr-in-a ('šerina), me|z-iv-o (mlē:zivo), gruš-a (grúša), gruš-av-a (grúšava), gruš-al-in-a (grúša:lina);

в македонских диалектах: на к. 58 'завтрак, утренняя еда': литературная лексема ро-ēd-ъk-ъ (nojadok) отмечена лишь в отдельных центральномакедонских (п. 100) и восточных (п. 103) говорах, тогда как на остальной территории зафиксированы лексемы //utr-in-a (utrina), ро-рѣ-ъk-ъ (poruček), do-рѣ-ъk-ъ (doruček), per-kqs-ъk-ъ (prekusək), ро-kqs-ъk-ъ (pu'kəsuk), za-kqs-ъk-a (zə,kuska), ро-хар-ъk-ъ ('poapok);

в болгарских диалектах: на к. 60 'ест обед': литературная лексема ob-ēd-ъv-a-j-e-ть (обядва) отмечена лишь в единичном пункте юго-восточных говоров (п. 142), тогда как на остальной территории зафиксированы лексемы pol-u-дъп-a-j-e-ть (plan'ni), pol-u-дъп-ъ-ov-a-j-e-ть (plan'nova), pol-дъп-ъ-ov-a-j-e-ть (plad'niva), //už-in-a-j-e-ть (juž'nue), //už-in-ov-a-j-e-ть (juž'niva), рѣ-а-j-e-ть ('ruča);

в чешских диалектах: к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’: литературная лексема съ-lup-ък-а (*slupka*) зафиксирована в западной части собственно чешских говоров (пп. 175, 176, 177, 179, 180, 181, 182, 183, 185, 186, 187), тогда как в других говорах распространены лексемы съ-lup-in-a (*šlupina*), kož-a (*koža*), šur-a (*šupa*), šur-ък-а (*šupka*), (šur)-in-a (*šupina*);

в словацких диалектах: на к. 58 ‘завтрак, утренняя еда’: литературная лексема гап-ъ=а-j-ък-у (*raňajky*) отмечена в отдельных пунктах среднесловацких говоров (пп. 217, 218 219, 220), тогда как на остальной территории зафиксированы лексемы съп-ěd-ъj-е (*sní:daň:i*), fruštik-ъ (*fruštik*), fryštik-ъ (*frištik*);

в польских диалектах: на к. 54 ‘все, что употребляется в пищу людьми, еда’: литературная лексема //ěd-l-o (*jadło*) встречается в отдельных пунктах кашубских говоров (пп. 243, 245), великопольских (пп. 259, 269, 270, 278, 279, 280), мазовецких (пп. 282, 283, 296, 297), малопольских (пп. 291, 293, 304, 311, 316, 317, 325), а также в говорах Силезии (пп. 288, 289, 290, 299, 308), тогда как на остальной территории распространены лексемы //ěd-j-en-ъj-е (*‘jeżeńe*), // ěd-j-a (*jeza*), //ěs-t-ъj-е (*ješće*), žy-t-ъj-е (*żerće*), ži-t-ъj-е (*zyće*), ži-v-o-by-t-ъj-е (*żyvabyćy*);

в белорусских диалектах: на к. 35 ‘сырое кислое молоко’: литературная лексема prost-o-kvaš-a (*прастакваша*) отмечена в некоторых пунктах северо-восточных говоров (пп. 333, 334, 349, 359, 368), тогда как в других белорусских диалектах распространены лексемы суг-o-kvaš-a (*сырык ‘vaša*), sam-o-kyš-a (*səma ‘k ‘iša*), kys-ъл-j-ak-ъ (*k ‘is ‘l ‘ak*), суг-o-rěp-j-a (*syra ‘p ‘en ‘a*), kvaš-en-in-a (*kvaša ‘n ‘ina*), kys-ěl-o mēlk-o (*‘k ‘islaje mala ‘ko*), kvas-en-o mēlk-o (*k ‘vasna mala ‘ko*);

в украинских диалектах: на к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’: литературная лексема lušp-in-ъj-е (*лушпиння*) отмечена в отдельных пунктах юго-восточных говоров (пп. 478, 479, 480, 493, 494, 502, 504, 510, 511, 517, 519, 520), тогда как на остальной территории получили распространение лексемы lup-a (*lu ‘pa*), lup-in-a (*lu ‘pyna*), lup-aj-ък-у (*lu ‘pejk ‘i*), še-lup-ък-у (*ša ‘lupky*), še-lup-aj-ък-у (*šalu ‘pajky*), l/usp-a (*luš ‘pa*), lušp-in-a (*luš ‘pyna*), lušp-in-ък-у (*luš ‘pynky*), lušp-aj-a (*luš ‘paja*), lušp-aj-ък-у (*lušpaj ‘ky*), lušp-at-a (*lušpa ‘ta*), lusk-a (*luš ‘ka*), ob-čist-ък-у (*a ‘cystky*), ob-rěz-ък-у (*ob ‘r ‘izky*), skor-ък-а (*š ‘k ‘irka*), skor-o₂-lup-a (*škara ‘lupa*);

в русских диалектах: на к. 61 ‘еда между обедом и ужином, полдник’ литературная лексема пол-ъ-дън-ик-ъ (*полдник*) имеет дисперсный ареал в русских диалектах, наряду с ней распространены такие